

ЗВОНКИЕ СТРУНЫ ДРЕВНИХ НОВГОРОДСКИХ ГУСЛЕЙ (ИЗ ОПЫТА ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ)

Одной из ответственных задач при восстановлении крыловидных гуслей,¹ найденных археологами в Новгороде, стало определение материала, из которого в средневековье делались гусельные струны. Необходимость ее решения связана с принципиально верной реконструкцией всего облика инструмента. Свойства струн нераздельны с конструкцией и звучанием гуслей, с их художественным образом, сохранившимся в пародной памяти. Этот образ, подкрепленный историческими документами и выводами практических работ по созданию инструментов, позволит решить поставленную задачу.

Еще в прошлом веке первый исследователь истории гуслей А. С. Фаминцын, предполагая, что первобытные инструменты могли снабжаться волосяными, льняными, «кишечными» струнами, писал: «Вопрос о том, из какого материала делались струны древнейших русских гуслей, пока остается неразъясненным, за неимением на то указаний в исторических памятниках. Что же касается старинных преданий, былин и народных песен, то они других гусельных струн, кроме металлических, не знают».² Свой довод он подкрепил множеством примеров: гусли в устном народном творчестве могут быть «яровчатые», со струнами «серебряными», «золотыми» или «золочеными», «звончатые», «звончистые».

В обзоре родственных гуслиам средневековых инструментов Западной Европы А. С. Фаминцын отмечает, что «струны псалтирей, по свидетельству Герсона,³ были серебряные или состояли из смеси золота с серебром. Они издавали острые звуки и требовали мягкой игры».⁴

Раздел о струнных инструментах балтийских и прибалтийско-финских народов А. С. Фаминцын открывает рунами карело-финского эпоса «Калевала» о сотворении кантеле. Согласно одной руны, инструмент, сконструированный из костей чудовищной щуки, имел струны из конского волоса. Согласно другой — кантеле, сделанное из березы, было снабжено струнами из волос девушки.⁵ Далее приводятся документы, в которых инструменты указанных народов оснащались металлическими струнами:

«Асерби, описавший свое путешествие к Нордкапу, упоминает о виденном им финском народном струнном инструменте (. . .).

¹ *Вертков К. А.* Типы русских гуслей // *Славянский музыкальный фольклор.* М., 1972. С. 275.

² *Фаминцын А. С.* Гусли — русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890. С. 28.

³ Латинизированное из Герсон (1363—1429).

⁴ *Фаминцын А. С.* Гусли. . . С. 90.

⁵ Там же. С. 40—42.

Струны инструмента числом пять, как на кантеле Вейнемейпоа, металлические». ⁶ Книга Асерби опубликована в 1804 г.

«На Московской этнографической выставке (1876 г.) был, между прочим, выставлен карельский (из Олонецкой губернии) инструмент кандала, т. е. кантеле (. . .), описываемый так: кандала имеет внешнее очертание небольшой арфы, но струны (из медной проволоки) натянуты на резонансном ящике с кругообразным прорезом. Всех струн 13». ⁷

«Доктор Гурт в 1886 году видел в Wilo külä (Псковского уезда) и срисовал экземпляр эстонской кантели. Струны были металлические, числом 7». ⁸

«Лепнер в 1690 г. в числе музыкальных инструментов прусских литовцев называет Kanklos о 9 или 12 медных струнах». ⁹

«В музее Императорского Русского Географического Общества хранятся четыре экземпляра латышских (частью, может быть, и литовских) гуслей (. . .). Струны металлические (на одних инструментах медные, на других — стальные)». ¹⁰

«Латышские гусли (куоклес. — В. П.) нередко называются народом золотыми, вероятно вследствие металлических (медных, как бы золотых) их струн». ¹¹

Далее А. С. Фаминцын сообщает сведения о крыловидных гусях, полученные в 1889 г. от крестьянина С.-Петербургской губернии Трофима Ананьева: «Трофиму Ананьеву, по его словам, в прошедшем году минуло уже 95 лет; он научился играть на гусях у своего дяди, Герасима Михеева, и полагает, что приобретенным у него г. Васильевым и ныне хранящимся в музее консерватории гусям более 150 лет; инструмент этот должен, следовательно, быть отнесен к середине или даже к первой половине XVIII столетия. (. . .) Струн на описываемых гусях не сохранилось. (. . .) г. Васильев заказал Трофиму новые гусли, которые и были изготовлены им в прошлое лето. (. . .) Данные гусли имеют 7 металлических (из тонкой медной проволоки) струн одинаковой толщины». Трофим Ананьев был гусяр-любитель, а не по ремеслу; он всегда импровизировал: «Когда взгрустнется, скажешь, бывало: „Эх, кто не был за Дунаем, тот горюшка не знает!“ — и начнешь звонить, что на душе есть». ¹²

В рукописных книгах начиная с рубежа XIII—XIV вв. изображалась другая разновидность гуслей — шлемовидные. ¹³ Этот инструмент по аналогии с западноевропейскими в XVII—XVIII вв. назывался гусли-псалтирь, арфа или лежачая арфа. У А. С. Фаминцына читаем: «Георги, в конце XVIII века описывавший Россию со стороны культуры, так выражается о русских гусях: „Гусли — лежачая арфа с металлическими (собственно «проволочными») стру-

⁶ Там же. С. 44.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ Там же. С. 49.

⁹ Там же. С. 54.

¹⁰ Там же. С. 57—58.

¹¹ Там же. С. 59.

¹² Там же. С. 70, 73.

¹³ Вертков К. А. Типы русских гуслей. С. 275.

нами. В общем строении своем гусли имеют большое сходство с вошедшим в употребление в южной Германии псалтирем¹⁴.

Коренные преобразования в русской культуре XVII в. способствовали внедрению в среде аристократов третьей разновидности гуслей — прямоугольных.¹⁵ Они в описаниях иностранцев, как и предыдущие, назывались лежачей арфой, так как конструктивно по сути оставались шлемовидными гусями. Их модификация заключалась в придании корпусу прямоугольных форм и снабжении ножками, что согласовывалось с некоторыми изменениями в технике игры. А. С. Фаминцын приводит описанное Я. Штелином устройство гуслей, употреблявшихся в барских домах в Петербурге в 60-х гг. XVIII в.: «Гусли, или лежачая арфа, по устройству, виду и величине совершенно сходны с обыкновенным клавиром (клавикордами), с тою только разницею, что они не снабжены тангентами. На медных струнах, натянутых на гусях, как у клавиря, и прикрепленных к железным колкам, или шпенечкам, иногда настроенных уже в полутонах, играют пальцами обеих рук: пальцы касаются струн или рвут их».¹⁶

Наконец, в «Прибавлении» к труду о гусях А. С. Фаминцын сообщает о цимбалах, упоминаемых на Руси с начала XVII в.: «Мерсен, музыкальный ученый XVI столетия, описывает цимбалы еще под именем Psalterium, как треугольный инструмент с натянутыми на нем 13 хорами частью медных, частью стальных струн, по которым ударяли палочками».¹⁷ Несомненно, что и на Руси практиковавшиеся в государевых потешных палатах цимбалы имели металлические струны.

Некоторые сведения о гусельных струнах почерпнем в исследованиях современных авторов. Одно из таких сведений касается шлемовидных гуслей первой половины XIX в. у коми: «У пермяков есть свои два музыкальных инструмента, один несколько похожий на скрипку, а другой — на гусли, в виде треугольника с 20 струнами, медными и железными. Пермские артисты играют на сем последнем обеими руками, держа его на коленях и для большего эффекта в такт пригипывают погою».¹⁸ Между тем музейные образцы шлемовидных гуслей XIX в. характерны струнами кишечными.

В «Записках (1780—1809)» С. А. Тучкова имеется едва ли не единственный в своем роде документ, в котором высказано отношение музыкантов XVIII в. к струнам из различных материалов применительно к прямоугольным гусям: «В нем (инструменте. — В. П.) есть еще одно неудобство: медные струны утруждают пальцы; некоторые думали сделать их из кишек, как на арфе, но не нашли той приятности звука и потому остались при металлических».¹⁹

¹⁴ Фаминцын А. С. Гусли. . . С. 101.

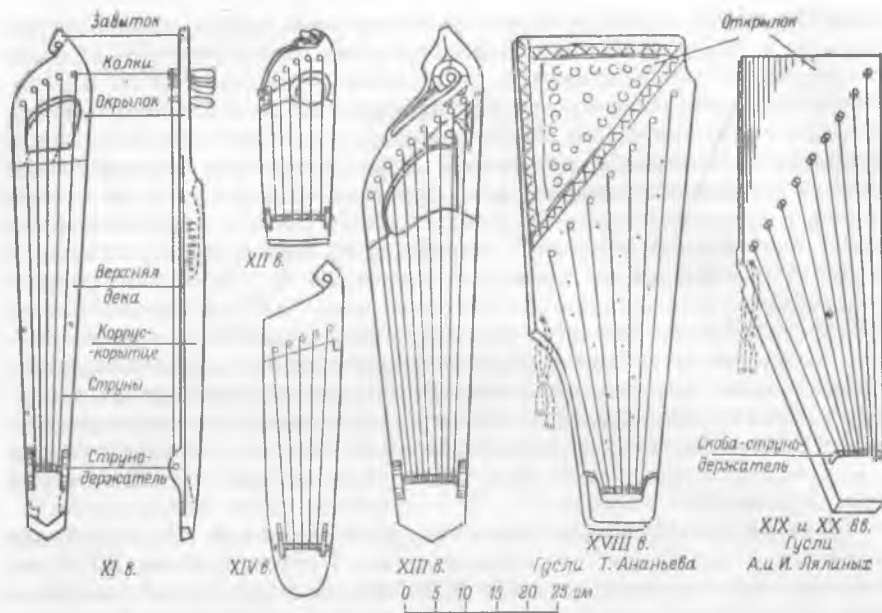
¹⁵ Вертков К. А. Типы русских гуслей. С. 275.

¹⁶ Фаминцын А. С. Гусли. . . С. 106.

¹⁷ Там же. С. 121—122.

¹⁸ Благодатов Г. И. // Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М., 1975. С. 82.

¹⁹ Вертков К. А. Русские народные музыкальные инструменты. Л., 1975. С. 266.

В «Русском художественном листке» за 1860 г. в «Очерке истории инструментальной музыки в России до конца XVIII столетия» о гусях сказано, что это «музыкальный инструмент в виде горизонтальной арфы, с металлическими струнами, число которых простирается до пяти». Этот очерк, по мнению К. А. Верткова, был подготовлен М. Д. Резвым и мог бы увидеть свет несколько раньше.²⁰ Возможно, в начале 1840-х гг. В нем явно идет речь о крыловидных гусях.

Ограничимся указанными источниками, их достаточно для того, чтобы сделать предварительные выводы.

Крыловидные гусли, кантеле, кантель, куоклес, канклес мы рассматриваем как конструктивно единый инструмент, традиционно принадлежащий нескольким народам. Район его бытования ограничен прибалтийскими землями, в которые входит и Новгород.²¹ Документы о гусях-кантеле убеждают в том, что по меньшей мере в XVII—XIX вв. было в обычае оснащать данные инструменты струнами из золотистого по цвету медного сплава. Относительно шлемовидных гуслей можно предположить, что обычай в одних случаях наделял их струнами металлическими, в других — кишечными. Возможно, с последними в «Слове о полку Игореве» связан эпитет «живые».

В сообщении С. А. Тучкова очевидна первичность на прямоугольных гусях струн из металла. Кроме того, если многострунные

²⁰ Там же. С. 26, 268.

²¹ Тынурист И. В. Где во гусли звонили? // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977. С. 25.

гусли, лишаясь металлических струн, теряют в «приятности звука», то то же самое грозит и малострунным гуслиям-кантеле, хотя и не во всех случаях. Данный вывод нуждается в следующем пояснении. С. А. Тучков справедливо оценивает качество звучания прямоугольных гуслей с исключительно эстетических позиций светской профессиональной музыкальной традиции. Мы же учитываем «приятность звука» лишь в той мере, в какой эстетическое начало в тесном переплетении с сакральным занимало место в иной музыкальной традиции — народной, достоянием которой и являются гусли-кантеле.

Драгоценная информация получена от Трофима Анашьева. Как рядовой представитель гусельной традиции он умел (даже в 96-летнем возрасте) сам сделать гусли, помнил, какими струнами их надо оснастить. И по обычаю на струнах из металла любил «звонить». Этот факт из реальной жизни. В средние века он мог бы быть опоэтизирован так: «И скоро Садко наряжается, / Берет он гусли звончатые / Со хороши струны золоты».²² Замечательно то, что и в былине дана оценка качеству струн: «золотые» — металлические, они «хороши», очевидно, по сравнению со струнами из других материалов. Вследствие подобных фактов мы вправе доверять древним сказаниям и песням (с известными оговорками) как документам, как некоему своду летоисказаний. В этом свode фантастическое зримо, так как окружено достоверным. Гусли — один из таких достоверных предметов. Они, пользуясь широкой известностью, не могли изображаться в былине по прихоти отдельного сказителя: «былины — плод коллективного труда».²³ Не случайно гусли звончатые со струнами из металла переходят из песни в песню, из былины в былину. Заметим, что струны популярного на Руси смычкового гудка, как правило, не воспевались звончатыми или золочеными; его традиционные кишечные струны не звенят, как металлические.

Между тем в песне «Вавило и скоморохи» говорится: «Заиграй, Вавило, во гудочек, / А во звончатой во переладец, / А Кузьма с Демьяном припособит».²⁴ Здесь звончатый переладец не есть сам гудок, как может показаться.²⁵ Переладец — набор колокольчиков, аккомпанирующих гудку.²⁶ Он по праву находится в распоряжении Кузьмы и Демьяна. Кузьма и Демьян — почитаемые народом в песнях и сказках святые, божественные первоучители земледелия и кузнечного ремесла. Они — кователи сельскохозяйственных орудий, они — родители металлического звона. Это они готовы «припомочь» своей игрой «а во звончатой во переладец» оратаю Вавиле. Их помощь имеет решающее значение: Вавило переигрывает «царя-

²² Фаминцын А. С. Гусли. . . С. 11.

²³ Мирзоев В. Г. Былины и летописи — памятники русской исторической мысли. М., 1978. С. 22.

²⁴ Собрание русских народных песен: Былины / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. С. 496—500.

²⁵ По нашему мнению, смысл этого текста заключается в том, что когда Вавило заиграет на гудочке, то Кузьма с Демьяном помогут ему своей игрой на звончатом переладце. Редакция текста должна быть такой: «Заиграй, Вавило, во гудочек, / А во звончатой во переладец, / А Кузьма с Демьяном припособит».

²⁶ Шергин Б. В. Гости с Двины. М., 1970. С. 12.

Собаку». Согласно поверьям, из всех творимых человеком звуков прежде всего звон металла способен отогнать нечистую силу. В песне переладец — звончатый, так как источник звука в нем — металл. Аналогично и гусли в былинах названы звончатыми.

Понимание металлического звона как оградительной силы совпадает с народным представлением о волшебных, обережительных свойствах гусельных звуков. Считалось, что игрой на гусях-кантеле от больного можно прогнать смерть, гусяр — это кудесник, способный завораживать духов воды, земли, неба.²⁷

Из всего этого ясно, что в истории гуслей-кантеле, имевших поначалу волосяные струны, произошли какие-то события, положившие начало традиции оснащения их струнами из металла. Где начало этой традиции? Была ли она непрерывной? В связи с подобными вопросами попытаемся узнать о реальных возможностях, позволявших в древнем Новгороде снабжать гусли струнами из металла, а также о том, выдержит ли деревянная основа древних гуслей натяжение металлических струн и позволят ли звуковые качества восстановленных гуслей назвать их звончатыми.

Былинный Садко играл на гусях звончатых со струнами золотыми. В его распоряжении, согласно новгородским находкам, были гусли крыловидного типа. Все множество обломков таких гуслей найдено без струн. В то же время восстановленные на основе этих обломков гусли показывают, хотя и с некоторыми внешними отличиями, их конструктивное единство с упоминавшимися выше гусями-кантеле XVII—XIX вв., снабженными, как помним, металлическими струнами. Столь важное обстоятельство склоняет к уверенности, что и в XI—XV вв. на гусях могли применяться струны из различных материалов, в том числе и — что существенно — из металла. Этот факт, являясь утраченным звеном в цепи между письменными известиями о гусях и опозитизированными — устными, — придает последним реальный облик.

Убедительности такого вывода способствует еще и то, что в новгородских раскопках проволока, пригодная для струн, — нередкая находка. Волооченая, различных диаметров она изготовлялась из сплавов цветных металлов, чаще всего медных. Известны также сплавы с преобладанием в них золота, в связи с чем рассмотрим проволоку середины XI в. (24—23—1648): «Спектральный анализ обнаружил в ее составе золото как основу и значительные примеси меди — до 10 %; железа — больше 10 %; серебра — 10 %. Как показали исследования этой проволоки, проведенные в Музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки, она достаточно упругая и имеет достаточную амплитуду затухающих колебаний для того, чтобы использоваться в качестве струны».²⁸

В 1978 г. мы изучали вопрос взаимодействия корпуса гуслей со струнами из различных материалов. Струны из льняных нитей

27 Фаминцын А. С. Гусли... С. 50—51.

28 Муромцева О. А. Цветной металл Кировского раскопа в Новгороде. Рукопись. Кафедра археологии Исторического факультета МГУ.

произвели короткий и малоцветистый звук. У кишечных струн красивое с бархатными оттенками звучание, но недостаточно продолжительное. Струны из конского волоса по окраске и длительности звука рождаются с кишечными, при этом обладают далекими «звончатыми» отголосками. Струны из бронзовой волоченой проволоки звучат значительно громче предыдущих, у них яркий, красивый тембр с отчетливо слышимыми обертонами, они по-настоящему звонкие. Бронзовые струны почти во всех случаях вступали в наиболее активное акустическое взаимодействие с корпусом крыловидных гуслей. Все объемы инструмента, в том числе деревянные шпеньки (колки) и перекладина струнодержателя, выдерживают рабочее натяжение перечисленных струн.

Казалось бы, на распорных шпеньках должны сохраниться какие-либо следы от струн, но их поверхность чиста. И вот почему. Шпенек из современной древесины даже с глубочайшими следами бронзовых струн, опущенный в воду, уже через несколько часов почти полностью восстанавливает деформированные волокна. Если же теперь его представить брошенным на улице в древнем Новгороде, то, обтертый землей, он со временем утратит и оставшиеся едва различимые отпечатки проволоки.

Древнему Новгороду был известен и другой тип гуслей — шлемовидные. Кроме рукописей новгородского происхождения, об этом свидетельствуют металлическая пластинка и изразец с изображениями гуслиаров, а также единственный фрагмент самих гуслей — обломок полочки (верхней деки) со следами некогда приклеенной к ней планки струнодержателя.²⁹ Иной по форме струнодержатель, нежели у крыловидных гуслей, сказывается на особенностях принципа звукообразования, в итоге — на своеобразии звука. Большое число струн — не менее 11 — способствует более активной обертоновой «переключке» между струнами, отчего увеличиваются громкость и длительность звука. Поэтому такой инструмент, даже оснащенный кишечными струнами, сочетает в себе удовлетворительную звуконость и приятный бархатный тембр.

Если в шлемовидных гусях принцип звукообразования основан на «чистом резонансе», то, чтобы выразить разницу между двумя типами гуслей, скажем, что в основе звукообразовательного принципа в гусях-кантеле лежит «чистейший резонанс». Из-за того что в крыловидных гусях перекладина струнодержателя максимально разъединена с полочкой, извлеченный звук возникает как бы с опозданием. Это сообщает ему удивительную «щемящую» неустойчивость между двумя составляющими звук началами — грустным и веселым. Вот почему некоторые люди, слыша звон гуслей-кантеле, «не знают — плакать им или смеяться». Упомянутый эффект отчасти усиливается продолжительным звучанием металлических струн.

По конструктивным особенностям, по малому числу струн крыловидные гусли более, чем шлемовидные, нуждаются в струнах из металла.

²⁹ Поветкин В. И. Музыкальные инструменты Древней Руси // Древняя Русь: Зодчество, культура, быт. (В печати).

Таким образом, изучая вопрос с разных сторон, можно сказать, что в целом новгородские гусли, находимые в слоях XI—XV вв., — это гусли звончатые, со струнами из цветных металлов, это они упоминаются в былинах, песнях, сказаниях. Между тем, бесспорно, древний Новгород располагал гуслиями со струнами из самых разных материалов. Например, некоторые из раскопанных инструментов делались как игрушки для детей. . . Нельзя не отметить и того факта, что в иных случаях жильные струны благодаря их эластичности против бронзовых оказывались более практичными. Но идеальными звонкими струнами, к которым стремились, которые, по-видимому, не противоречили языческой мифологии и одновременно отвечали требованиям ансамблевой игры с гудком, с его жильными струнами, были струны из металла. Этот идеальный вариант струн и был воспет в устной традиции. Однако попытаемся узнать, в какой зависимости от других ремесел осуществлялось снабжение новгородских гуслей струнами.

Новгород, не располагавший собственной сырьевой базой цветных металлов и покупавший их за границей, тем не менее имел разветвленную сеть металлообрабатывающих ремесел. По числу мастеров-серебряников он был крупнейшим среди других средневековых городов.³⁰ Производство витых и плетеных браслетов, цепочек, сканых украшений обывало «кузнецов меди и серебра» впрок заготавливать волоченую проволоку: более ходового полуфабриката в деле ювелира не найти.

Проведенный А. А. Коноваловым анализ древних украшений показал частое применение в X—XI вв. латуней — сплавов меди и цинка. С XII в. преобладают свинцовые и свинцово-оловянистые бронзы. Из 134 проволок XI—XV вв., подвергнутых О. А. Муромцевой металлографическому анализу, 80 % было изготовлено путем волочения.³¹ По данным Перевского раскопа, «диаметр проволоки колеблется от 0.1 до 3.6 мм. Большая часть фрагментов представлена обрывками небольшой длины, но встречаются целые мотки длиной в 700—850 мм».³²

От благосостояния ювелирного производства явно зависело снабжение гуслей звонкими струнами. Может быть, в некоторые периоды в древнем Новгороде дефицит на цветные металлы, следовательно, и на металлические струны побуждал гудцов заменять их струнами жильными? Способы изготовления последних более доступны, хотя и не лишены своих секретов. Превосходными мастерами сухожильных и кишечных струн, пригодных для музыкальных инструментов, могли быть лучшие мастера. Им для оснащения боевых луков требовалась первоклассная по качеству струнная

³⁰ Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. М., 1974. С. 40—42.

³¹ Коновалов А. А. Цветные металлы (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1974. С. 16—17.

³² Рыльдина И. В. Технология производства новгородских ювелиров // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1963. Т. 3. С. 209.

тетива.³³ В раскопках ни струн, ни тетив из упомянутых органических материалов не найдено, так как они в земле разлагаются. Но посмотрим, в какой мере нехватка цветных металлов в Новгороде могла отразиться на производстве проволоки и в какое время

В книге Е. А. Рыбиной «Археологические очерки истории новгородской торговли» представлен хронологический график распределения найденного на Черевском раскопе цветного металла по ярусам.³⁴ График показывает, что перепады в доставке в Новгород цветных металлов в XI—XIV вв. не были столь значительны, чтобы серьезно повлиять на успехи ювелирного дела. Убедительных археологических данных о XV—XVII вв. нет. Но анализ письменных документов и драгоценных вещей церковного обихода позволяет указать на Новгород этого времени как на один из главных торговых центров со странами Запада и Востока, что, конечно, не давало повода серебряникам страдать от недостатка цветных металлов.³⁵ Даже такие исторические события, как падение Новгородской республики в 1478 г. или шведская интервенция 1611—1617 гг., когда в Новгороде менялись состав и численность населения, если и влекли перепады в доставке сырья и работе ювелиров, то ненадолго; они лишь на время могли заставить гусяров отказаться от металлических струн.

Самым жестоким испытанием для гуслей был царский указ 1648 г., запрещающий игру «на всяких гуденных бесовских сосудах».³⁶ Но это испытание уже не зависело от состояния ювелирного дела. Давняя борьба апологетов христианства против народного музицирования, связанного в своих истоках с языческим культом, официальный указ 1648 г. и презрительное отношение господствующих слоев к обычаям своего народа — всё это сыграло роковую роль в затухании инструментальных, в частности гусельных, традиций на Руси. Частично эти традиции сохранялись в глухих местностях и на окраинах государства, куда ссылались скomorохи и где влияние церкви не было сильным.

Оказавшись вдали от центров ювелирного производства, гусли должны были лишиться металлических струн. Гусли шлемовидные, как уже говорилось, от замены металлических струн кишечными страдали в меньшей степени, чем гусли крыловидные. Последние теряли в громкости, звонкости и, как сказал бы С. А. Тучков, в «приятности» звука. Разрушалось их идеальное звуковое «лицо». Возможно, утрачивалось их значение как сакрального объекта. Вместе с тем в обозначенный период связи между мастерами-серебряниками и гусярами обрывались не повсеместно, или же они через некоторое время были налажены. Это ясно из того, что обычай «звонить» на металлических струнах гуслей сохранился и в поздней-

³³ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие // САИ. ЕИ-36. М., 1966. С. 16.

³⁴ *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978. С. 69.

³⁵ *Постникова-Лосева М. М.* Русское ювелирное искусство. . . С. 40.

³⁶ *Белкин А. А.* Русские скomorохи. М., 1975. С. 177.

шее время. Обратим внимание лишь на то, что в конце XIX—начале XX в. медные струны гуслей заменяются стальными.

В этнографическом собрании Новгородского музея-заповедника имеется несколько гуслей, привезенных из разных районов Новгородской области. Два инструмента (НИАМ-18987, НИАМ-18988) заслуживают особого внимания. Корпус одного из них сильно поврежден: имеет трещины, лишен струн, но на некоторых уцелевших деревянных колках видны следы ржавой проволоки. Корпус другого менее деформирован, сохранилось несколько ржавых стальных струн, эти гусли впоследствии удалось восстановить. Оба инструмента получены в сентябре 1968 г. от жителя д. Большой Крестовой Окуловского района Новгородской области Ивана Алексеевича Лялина. Это крыловидные гусли с открылком,³⁷ прототип которых, как подсказывают археологические находки, складывался не ранее XIV в. Открылок таких гуслей иногда украшался резьбой или расписывался. В данном случае гусли никак не украшены, если не считать маленького — диаметром 10 мм в одном инструменте и 11 мм в другом — сквозного отверстия в центре верхней полочки. Выдолб делался не сверху, как в археологических гусях, а снизу, в результате чего дно корытца (резонаторного ящика) потом оказывалось верхней полочкой, накрывалось же это корытце тонкой дощечкой — нижней полочкой. Упомянутое отверстие в верхней полочке было просверлено еще в процессе долбления корытца; оно позволяло проследить за уменьшающейся толщиной дна до нужной величины.³⁸ Тем же сверлом, каким сверлилось это отверстие, в окрылке³⁹ гуслей было сделано девять отверстий для шпеньков. Вращением шпеньков регулировали натяжение струн. В узкую часть корпуса вбивалась металлическая скоба — струнодержатель. По всему — по форме, размерам, по подбору материалов и особенностям обработки древесины — два инструмента из Новгородского музея почти одинаковы между собой. Их сходство оправдывается следующей причиной: гусли меньшей сохранности были сделаны в конце XIX в. Алексеем Лялиным; другие мастерил Иван Алексеевич Лялин, как он сам вспоминал, примерно в 1930 г., т. е. создание гуслей сын учился у отца. Преемственность традиции очевидна.

Уважение к исторически сложившейся конструкции инструмента, рабочая уверенность и вместе с тем известная показная небрежность, присущая лишь тем мастерам, которые «руки до дыр протерли» в деле обработки древесины и которые умеют быть точными в узловых, существенных частях работы, — все это вместе с изложенными историческими и другими материалами убеждает в том, что И. А. Лялин находился на вершине многовековых традиций по изготовлению гуслей. Русло этих традиций пролегало в среде трудового народа,

³⁷ Открылок — лишь часть окрылка, выступающая за линию шпеньков, в Новгородской области нередко прямоугольной формы.

³⁸ *Поветкин В. И.* Новгородские гусли и гудки // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982. С. 297—298.

³⁹ Окрылок — вся выступающая за пределы резонаторного ящика площадка с колками независимо от ее формы.

в системе взаимозависимых и взаимоформирующих культурных и ремесленных обычаев. Не случайно сделанные И. А. Лялиным гусли «рассказывают», что, помимо умения играть на гусях, он мог быть плотником или строителем речных судов. Во всяком случае, изготовляя гусли и сделав, как помним, отверстие в верхней полочке, он прибегнул к обычному по сути приему, использовавшемуся при долблении стругов. Этот прием заключался в следующем. Когда из цельного ствола осины делали судно, то для того, чтобы не продолбить будущее борта насквозь, в них, т. е. с наружной стороны ствола, сверлили на некотором расстоянии одно от другого отверстия, в которые затем заколачивали определенной длины деревянные колышки — «сторожа». Как только тесло, срубая щепу, доходило до «сторожа» — дальше углубляться было нельзя. В гусях, следовательно, упомянутое отверстие выполняло роль «сторожа».

Не случайно, что в инструменте И. А. Лялина именно девять струн. Число струн на гусях-кантеле от пяти до девяти традиционно. Оно характерно как для большинства инструментов из этнографических собраний, так и для средневековых гуслей из раскопок в Новгороде.⁴⁰ Оно может считаться одним из признаков не утраченных в то время, когда делался инструмент, традиционных приемов игры и гусельных наигрышей.

Не случайно и то, что гусли И. А. Лялина снабжены именно металлическими струнами. Их диаметр был 0.4 мм. Крепкие деревянные шпеньки, скоба-струнодержатель из сталистого прутка, добротная столярная работа — всё рассчитывалось на натяжение тонких стальных струн. Восстановительные работы убедили в том, что диаметр струн 0.4 — максимум 0.5 мм более всего соответствует звуконосным качествам деревянной основы гуслей, а также приемам игры «перстами».

Ясно, что игра на звончатых гусях в Окуловском районе не прекращалась до начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. По-видимому, она продолжалась и позже. Согласно этнографическим данным, крыловидные гусли со стальными струнами в XX в. продолжали бытовать в некоторых селениях Новгородской и соседствующих с ней областей в русле непрерывавшихся гусельных традиций. Сегодня этот факт бесспорно доказываются фольклорными исследованиями в Псковской области.⁴¹

Стальные струны звучат выше бронзовых, но поскольку в традиционных гусях принцип звукообразования в течение веков не изменялся, то они сохранили ту удивительную цветистость звука, которая была свойственна древним гусям. Вот почему на гусях И. А. Лялина, равно как и на гусях Трофима Ананьева, можно звонить.

⁴⁰ Количество струн у гуслей, извлеченных в 1957 г. из слоя 40—60-х гг. XIII в. (14—21—1346), нуждается в уточнении. Допускаем не девяти-, а восьмиструнный их вариант.

⁴¹ Материалы фольклорных экспедиций Ленинградской государственной консерватории (ЛОЛГК) 1982—1984 гг.

Итак, наши наблюдения обнаруживают замечательное качество жизнестойкости народных инструментальных музыкальных обычаев. Крыловидные гусли оснащались струнами из металла. В жизнестойкости здесь не довлеет консерватизм: гусельные традиции оставались сильны в той мере, в какой они гармонично соприкасались с природой, человеком, временем. Так, на протяжении долгого периода, начиная со средних веков, технические достижения общества позволяли снабжать гусли струнами из сплавов цветных металлов. Когда же было налажено производство стальной проволоки, то более крепкие струны пришли на смену старым, не столь практичным. Но вот что важно. Смена струн не повлияла разрушительно ни на конструкцию древнего инструмента, ни на присущие ему способы игры, ни на его поэтический образ, который и сегодня заставляет нас связывать одно лишь упоминание — «гусли» — с эпитетами «звончатые», «яровчатые».

Гусли звончатые со струнами золотыми — это идеал гуслей, поэтический и реальный. Он складывался как понятие, вероятнее всего, в период конструктивных преобразований в прототипах струнных щипковых инструментов, не знавших до того струн из металла. Этот идеал выростал в условиях осознания блеска золота как воплощения Солнца—Ярилы на земле, звона золота — как солнечной яри, сокрушающей Зиму с ее ледяными, мертвыми покровами, звона металла — как оградительной силы, расположенной на грани двух миров, призывающей к жизни, дарующей жизнь. Отсюда гусли с золотыми звонкими струнами — это гусли солнечные, яровчатые. Это гусли, которые принадлежат культуре космического огня, его богам — Солнцу, Яриле, Перуну, Световиту. Идеал этих гуслей мог сложиться при соответствующих материальных условиях: когда были развиты дерево- и металлообрабатывающее ремесла, когда у ювелиров имелся навык волочения проволоки и когда их продукция требовалась достаточно большому числу людей. Тогда же, по-видимому, звуковые качества гуслей начинали оцениваться не только в плане сакральном, но и в плане эстетическом. Всем этим условиям мог отвечать возводившийся в IX—X вв. Новгород.